

НАТАЛИЯ СОТНИКОВА
ФАВОРИТКИ И ФАВОРИТЫ

A classical portrait of a woman with dark, curly hair, wearing a pearl headband and a white lace shawl over a deep red, off-the-shoulder dress. She is holding a golden fan. The background is dark and indistinct.

Отблески
Версаля

Наталия Николаевна Сотникова

Отблески Версаля

Серия «Фаворитки и фавориты»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48730987
Отблески Версаля: Родина; Москва; 2020
ISBN 978-5-907332-54-6*

Аннотация

Фридрих-Август II Сильный, курфюрст княжества Саксония и король Польши, мечтал войти в историю как великий полководец и мудрый правитель, но прославился в основном своими бурными любовными похождениями.

Как графине Анне-Констанции фон Козель удалось продержаться подле Августа Сильного дольше всех своих соперниц? Почему за девять лет страстной любви она расплатилась полувековым заключением в зловещей крепости Штолпен? Каким образом графиня Вильгельмина фон Гревениц, любовница герцога Эберхарда-Людвига, сумела поставить на грань разорения богатое герцогство Вюртемберг? Какая неудержимая страсть владела маркграфом Дурлах-Баденским сильнее: к юным актрисам или... к цветам? Сколько жен было у короля Пруссии Фридриха-Вильгельма II? Кем стала для него прекрасная Вильгельмина Энке, дочь простого музыканта?

Как исчезают во тьме веков факты и возникают легенды? – Рассказывает в своей новой книге известная писательница Наталия Сотникова.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Вместо предисловия	6
Колесо фортуны графини фон Козель	8
Прекрасная Саксония и ее князя	8
Первые увлечения принца Августа	15
Польская авантюра	20
Королевство без королевы	26
Любовь с восточным привкусом	32
Закат «польской» любви	36
Подвиги Августа на военном поприще	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Наталья Николаевна Сотникова Отблески Версаля

* * *

Давая возможность авторам высказаться, Издательство может не разделять мнение авторов.

© Сотникова Н. Н., 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

Вместо предисловия

Сегодня нам трудно представить себе, что до 1871 года такого крупного государства как Германия не существовало. Еще труднее не поразиться, взглянув на карту ее территории в XVIII веке, состоящую из мелких разноцветных клочков. Просто не веришь своим глазам – ведь о ту пору число суверенных немецких государственных образований самого различного рода превышало три с половиной сотни! Формально эти самостоятельные владения являлись составными частями Священной Римской империи германской нации, архаического, унаследованного от средних веков громоздкого образования во главе с выборным императором. Казалось бы, он должен был сосредоточить в своих руках огромную власть, но в действительности не располагал ни армией, ни органами управления, ни финансовыми средствами, дабы полноправно осуществлять свои полномочия. Традиционно императорами избирались представители австрийской династии Габсбургов, но их деятельность ограничивалась лишь пожалованием титулов и кое-каких привилегий. Германские суверенные правители – князья, герцоги, маркграфы, епископы, – имели все права на независимую внешнюю и тем более внутреннюю политику. Обладая неограниченной властью в границах своих владений, они сплошь и рядом превращались в натуральных деспотов, безжалостно тиранив-

ших своих подданных и думавших только об утверждении своего могущества.

Угодливость и раболепие придворных, пресмыкавшихся перед своими повелителями, сплошь и рядом лишь способствовали развитию у них настоящей мании величия. Учитывая миниатюрность этих по большей части карликовых государств и ограниченность финансовых средств монархов, их потуги были направлены исключительно на то, чтобы пускать пыль в глаза своим соседям. Как писал прусский король Фридрих II Великий, «даже среди младших членов владетельных домов не было никого, кто не воображал бы себя похожим на Людовика XIV; каждый строил свой Версаль, имел своих метресс и держал свои армии». Естественно, в условиях абсолютной монархии в германских землях пышным цветом распустился фаворитизм, любимцы и любимчики сплошь и рядом приобретали неограниченную власть. Посмотрим же, во что вылилось подражание королю-солнцу в княжестве Саксония, герцогстве Вюртемберг, маркграфстве Баден-Дурлах и королевстве Пруссия.

Колесо фортуны графини фон Козель

Прекрасная Саксония и ее князя

В первые два десятилетия XVIII значительная часть Западной Европы покрылась полями сражений. В некоторых ее местностях все еще не вполне затянулись кровоточащие раны, нанесенные Тридцатилетней войной, которые регулярно давали знать о себе сильнейшими проблемами в области экономики и демографии, но, невзирая на эти печальные последствия, то тут, то там загромыхали битвы Войны за испанское наследство (1701–1714) и Большой северной войны (1700–1701). При этом Война за испанское наследство может, на мой взгляд, в определенном роде рассматриваться как некий прообраз мировой, столько было переплетено в ней интересов, связанных не только с Европой, но и с господством на морях, в Северной и Южной Америках и с правом торговать рабами, вывозимыми из Африки.

Как оно водится в таких обстоятельствах, весь груз лег на плечи простого народа: дополнительные налоги, насильственный забор в рекруты кормильцев семей, непосильная барщина, разорение хозяйств, голод и осложненные им эпи-

демии инфекционных заболеваний. От этих жестоких недугов при тогдашнем отсутствии даже элементарных понятий о гигиене не было никакого спасения, порой от этих напастей погибало до трети населения. Ограничивали ли себя во времена таких бедствий хоть в чем-то сильные мира сего? Ничуть.

Взять хотя бы курфюрста¹ Саксонии, впоследствии еще и короля Польши Августа II Сильного (1670–1733). Похоже на то, что безудержное стремление к роскоши и галантным похождениям было испокон века заложено в крови еще его предками. С одной стороны, саксонскую династию трудно было назвать захудалой: ее княжество отнюдь не принадлежало к числу заштатных суверенных образований, из которых состояла большая часть Священной Римской империи германской нации. По величине занимаемой площади оно было четвертым, не говоря уже о существенных запасах серебра, железа, олова, свинца, меди и цинка, таившихся в недрах Рудных гор. Значительную часть населения составляли мастеровые люди, а не крестьяне, сильно зависевшие от капризов погоды, поэтому саксонцы были людьми более зажиточными и, в некотором роде, более продвинутыми. Ремесленники ухитрялись извлекать прибыль даже из обработ-

¹ Курфюрст (Fürst – князь, *нем.*) – немецкий князь, обладавший правом участвовать в выборах императора Священной Римской империи. Полное имя этого курфюрста было Фридрих-Август, но на польский трон он венчался, по его собственному желанию, под именем Август II, по-видимому, чтобы не осквернять слух поляков немецким именем.

ки древесины, которой изобиловали все те же горы, специализируясь на изготовлении типичных рождественских украшений: фигурок ангелов, пирамид, вертепов и т. п. Из них наиболее прославился, не в последнюю очередь благодаря творениям писателя Э. А. Т. Гофмана и композитора П. И. Чайковского, весьма безобразный, но такой чистый душой и добрый щелкунчик, исправно дробивший своими мощными челюстями орехи. Так что это княжество быстрее прочих суверенных государств оправилось от последствий Тридцатилетней войны, что подвигло саксонских курфюрстов взять решительный курс на повышение уровня культуры и великолепия своего двора.

Еще дед Августа, курфюрст Иоганн-Георг, перенял весьма разумный обычай выписывать для своих детей учителей из-за границы: языков и танцев – из Франции, пения и музыки – из Италии. Оттуда же приглашались танцоры, певцы и музыканты для постановки при дворе комедий и опер. За своим повелителем потянулась дворцовая знать, за ней – дворянство и даже крупные коммерсанты. Все это делалось, безусловно, в попытке скопировать блеск версальского двора и образ его богоподобного властелина Людовика XIV, но последствия имело самые благоприятные. Со второй половины XVII столетия закрепляется обычай посылать за границу, чаще всего в Париж, сыновей дворян с целью образования и приобретения изящных манер, необходимых для службы при дворе.

Это полезное начинание не замедлило весьма скоро дать свои обильные примечательные плоды. Уже в 1669 году французский путешественник, посетивший двор курфюрста в Дрездене, делится такими впечатлениями: «Двор курфюрста Саксонского есть один из самых блестящих и великолепных в Европе, здесь царят роскошь и любезность, и так как в Саксонии нет ни одного дворянина, не побывавшего за границей, то вполне понятно, что в Дрездене встречаешь только благовоспитанных людей, ведущих приятный образ жизни... Саксонское дворянство есть одно из древнейших и особенно заботится о поддержании чистоты своей крови: дворянин скорее откажется от самой выгодной невесты, чем согласится на неравный брак и женится на девушке, не имеющей шестнадцати колен предков с отцовской и материнской стороны. Вследствие сего в Саксонии многие дворяне находятся в стеснительном положении и с большим трудом поддерживают тот образ жизни, который соответствует их достоинству». В скобках скажем, что педантичные немцы скрупулезно вели генеалогические записи дворянских семей, отсюда становится понятным, почему Романовы набирали невест (а иногда и женихов) для своих отпрысков из немецких правящих династий: это обеспечивало вливание гарантированно высокородной голубой крови в вены этой сравнительно молодой династии. Напомним также, что прославленная королева Британской империи Виктория вышла замуж за немецкого принца Альберта Заксен-Кобургского, и еще несколько

королевских династий Европы пополнялись именно за счет немецких принцев и принцесс.

В Дрездене был выстроен первый оперный театр, вмещавший две тысячи зрителей. Капелла курфюрста считалась лучшей чуть ли не во всей Европе, ибо по большей части состояла из итальянцев и французов. Был утвержден штат двора, строго регламентировавший иерархический распорядок все этих гофмаршалов, камергеров, шталмейстеров, егермейстеров, мудшенков и тому подобного (тщательно скопированный впоследствии Петром Первым). Устраивались многолюдные празднества, костюмированные балы и маскарады, фейерверки, катания на лодках по Эльбе, катания на санях. Опять-таки по свидетельству очевидца, «катания на санях при дрезденском дворе отличались истинно царской роскошью. Некоторые сани при несметном количестве серебряных колокольчиков, обвешивающих лошадей, стоят до тысячи талеров. Сани сделаны из самого разнообразного материала и в виде самых разнообразных фигур: триумфальных колесниц, раковин, сирен, дельфинов, львов и орлов, вырезанных необыкновенно искусно. Золото и серебро блестят со всех сторон, а так как катания устраивают обычно вечером, при свете факелов, то зрелище производит впечатление еще большего великолепия... По улицам и площадям Дрездена проносится поезд из пятидесяти-шестидесяти саней в сопровождении факелов, придающих картине особенную красоту».

Естественно, великолепие и размах придворных увеселений породили стремление к шикарной дорогостоящей одежде. Дамы облачались в бархатные платья, шитые золотом и серебром, украшенные дорогостоящими кружевами и лентами. От них не отставали мужские костюмы, равным образом сверкавшие драгоценным шитьем и перегруженные кружевами и лентами. Но в одном кавалеры ухитрились перещеголять дам: в ношении париков. Как известно, мода на длинные парики появилась, во-первых, потому, что Людовик XIV, тяжело переболев в двадцатилетнем возрасте, стал с катастрофической скоростью терять волосы, а во-вторых, желал с помощью сих накладных волос несколько увеличить свой рост. Отсюда появление этих монументальных сооружений, которые весили иной раз более килограмма, могли увеличить рост сантиметров на двадцать, и требовали для изготовления волосы иногда до восьми женщин. Стоили они дорого, но на какие расходы не пойдет придворный, чтобы соответствовать нужному статусу! Тем более, что обедневшее саксонское дворянство, как и все европейское, жило в долг. За дворянством тянулись и прочие сословия, что вызывало чрезвычайный гнев духовенства.

Выросший в этой роскоши, пораженный в самое сердце блеском версальского двора², познавший безудержное весе-

² Август побывал там в качестве гостя, поскольку приходился родственником супруге брата Людовика XIV, герцога Орлеанского, урожденной немецкой принцессе Пфальцской.

лье карнавалов Венеции и великолепии ее дворцов, наполненных произведениями высокого искусства, принц Август с юных лет почувствовал в себе тягу к ослепительному образу жизни. Он должен всегда являться очам подданных не иначе, как в ореоле славы и величия победоносного воителя, облаченного в роскошные одежды, окруженного пышным двором. Известно, что все крупные и мелкие дворы Европы стремились подражать королю-солнцу, Людовику XIV, его умопомрачительным чертогам в Версале и обзавестись столь же шикарными и неотразимыми официальными любовницами. Август оказался в этом отношении чуть ли не самым ретивым из всех коронованных особ.

Первые увлечения принца Августа

Склонностью к похождениям на стороне отличались как отец Августа, так и его старший брат Иоганн-Георг. Он унаследовал после кончины родителя корону курфюрста саксонского, но именно его страстная любовь к Магдалене-Сибилле фон Найтшютц стала причиной его преждевременной смерти и восхождения на трон Августа. Подробности этой в высшей степени романтической истории изложены мною в повести «Нерыцарский роман» в книге «Что губит королев». Увлекаться женщинами принц Август начал с весьма юных лет, сначала объектами его преследований были благовоспитанные и робкие фрейлины матери-курфюрстины, урожденной датской принцессы. Поползновения младшего сына вступить с ними в непозволительные отношения добродетельная и набожная Анна-София старалась задушить в зародыше.

Однако во время двухлетнего путешествия по Европе Август в полной мере познал более пряные наслаждения в объятиях парижских и венецианских куртизанок, и мать, к своему ужасу, осознала, что сынок полностью вышел из-под ее власти. К тому времени он возмужал и удивлял окружающих своей недюжинной силой: ему ничего не стоило согнуть в круг железную кочергу или разломать пополам подкову. Для того времени Август был довольно высок – 1,76 м, крепко-

го сложения, что же касается внешности, то красавцем его назвать было нельзя, но, как говорили современники, «лицо его, чрезвычайно мужественное, излучало одновременно и величие, и возвышенность, а в огненном взгляде глаз читались и милосердие, и доброта». Именно непреодолимый соблазн ощутить близость сильной личности так притягивал к нему женщин.

Курфюрстина Анна-София решила укротить слишком темпераментного юношу, женив его на принцессе Кристиане-Эберхардине Бранденбург-Байрейтской. Это удалось ей не без труда, ибо богобоязненная, добродетельная, хорошо образованная девушка с богатым приданым являла собой идеал супруги для любого суверенного европейского правителя. Отсюда претендентов на ее руку нашлось немало, а Август Саксонский уже успел завоевать себе неприглядную репутацию совершенно невоздержанного гуляки. Тем не менее, Анне-Софии путем сложных интриг удалось заполучить завидную невесту в жены непутевому сыну. Впоследствии обеих женщин связала тесная дружба на почве борьбы с бесконечными авантюрами Августа как на политическом, так и на любовном фронтах. Борьбы, надо сказать, проигранной ими вчистую – Август не обращал ни малейшего внимания на увещевания ни матери, ни законной супруги.

Первой официальной любовницей Августа стала тридцатилетняя графиня Аврора фон Кёнигсмарк, имевшая славу одной из самых красивых женщин Европы. Этот роман,

связанный с другой, трагической историей брата Авроры, графа Филиппа-Кристофа фон Кёнигсмарк и принцессы Софии-Доротеи Цельской, в свое время наделал немало шума в среде европейской знати, относительно подробностей опять-таки отсылаю к моей повести «Нерыцарский роман» в книге «Что губит королев». Напомню только, что плодом связи Августа и Авроры стал сын Морис Саксонский, будущий знаменитый маршал Франции. Он родился 29 октября 1696 года, через десять дней после того, как курфюрстина Кристиана-Эберхардина произвела на свет единственного законного сына Августа Сильного, окрещенного по отцу Фридрихом-Августом. Похоже, что после рождения наследника престола его папаша вовсе перестал делить ложе со своей супругой. Более того, он даже не спешил увидеть ни законного младенца, ни побочного сына. Находясь о ту пору в Вене, он был буквально сражен графиней Эстерле (1676–1738), цветущей голубоглазой блондинкой, брызжущей весельем и радостью жизни. Хотя она не так давно вышла замуж, молва уже приписывала ей несколько любовных интрижек. Однако завоевать ее благосклонность оказалось нелегко: после длительного сопротивления красавица сдалась только после того, как получила в подарок серьги ценой в 40 тысяч талеров.

По ночам любовники наслаждались неземным блаженством в спальне графини, пока их в одно прекрасное утро не застиг в постели законный муж прелестницы. Август без промедления схватился за шпагу, но граф Эстерле здоро-

во струхнул и поспешил удалиться. Максимилиана тоже до смерти перепугалась, убоявшись мести мужа, и Август предложил ей укрыться в доме своего посланника при венском дворе фон Герсдорфа, обладавшего международным правом дипломата предоставлять убежище. Графиня немедля последовала его совету, оскорбленный же муж поведал ближайшим друзьям о своем несчастье, прося совета, каким же образом ему теперь поступить. Те разумно порекомендовали ему извлечь как можно более выгод из создавшейся ситуации. Так он и поступил, обратившись для посредничества к одному из фаворитов Августа, графу фон Бейхлингу. В результате на свет появился весьма странный договор, согласно которому граф Эстерле уступал свою супругу курфюрсту на следующих условиях:

«Курфюрст обязуется выплачивать графу 20 тысяч талеров в год, в обмен на какую-либо сумму тот отказывается от своих супружеских прав и не требует от жены сожительствовать с ним. Супруга получает полную свободу путешествовать, куда ей заблагорассудится; граф Эстерле обязуется признать своими детей, которые могут родиться у Максимилианы, будь то сыновья или дочери. Они получают право на фамилию и герб рода Эстерле».

Однако Августу уже давно было пора вернуться в родные пенаты. Совершенно забытая им графиня фон Кёнигсмарк все еще пребывала в горах, в заштатном городишке Гослар,

где она тайно родила своего сына Морица. Август же возвратился в Дрезден с новой пассией и пожелал представить ее супруге и матери. Но если умная и тактичная Аврора сумела завоевать расположение как супруги, так и матери Августа, то ослепленная неожиданно открывшимися перед ней возможностями Максимилиана считала, что первой дамой дрезденского двора может быть только она и никакая другая женщина. В конце концов покорившаяся своей участи Кристиана-Эберхардина согласилась принять при дворе новую любовницу мужа, однако мать Августа наотрез отказалась пойти на такое унижение и демонстративно удалилась от дрезденского двора в свою резиденцию Лихтенберг. Так что отныне графине фон Эстерле представились прекрасные возможности развернуться вовсю, коими она беззастенчиво и воспользовалась, без счета мотая деньги и время от времени потихоньку изменяя своему высокородному покровителю. Поговаривали, что ни одна возлюбленная не стоила Августу таких бешеных денег. Впрочем, он не обращал особого внимания на ее поведение, ибо был полностью погружен в осуществление чрезвычайно значимого для него плана: обрести королевский титул и присовокупить к своим саксонским землям обширное и довольно сильное государство, а именно, королевство польское.

Польская авантюра

В июне 1996 года с кончиной Яна III Собеского освобо­дился польский трон, который должно было занять лицо, избранное членами сейма, польским дворянством – шлях­той. Для ведущих государств Европы открылась соблазни­тельная возможность усилить свою мощь личной унией с этим огромным государством, простиравшимся от Балтий­ского моря до Черного. Франция с присоединением Польши приобретала новые козыри в противостоянии против свое­го давнего врага, Австрийской империи. Неожиданный же претендент из Саксонского княжества был другом и союзни­ком австрийского императора из династии Габсбургов, что опять-таки меняло расстановку политических сил на евро­пейской арене. Поскольку все решения польского сейма мог­ли приниматься только при условии единогласного голосо­вания, шляхта в открытую торговала своими голосами, так что с одной стороны избрание было всего лишь вопросом го­товности кандидата выложить требуемую сумму.

Моментально объявилось несколько претендентов на польскую корону, ибо Ян Собеский, один из богатейших су­веренов Европы, к тому же оставил после себя доверху на­битые золотом сундуки в государственной казне. Среди пре­тендентов на корону числились сын покойного короля Алек­сандр-Бенедикт и его зять, курфюрст Баварский, а также

племянник папы Иннокентия XI, дон Оливио Одескальки. Все отдавали пальму первенства французскому принцу Франсуа-Луи Конти, кузену короля Людовика XIV. Принц Собеский посулил польским избирателям пять миллионов талеров. Его французский соперник через посланника пообещал удвоить эту сумму. Курфюрст Август уже давно обхаживал императора Священной Римской империи Иосифа и сумел заручиться его поддержкой. Уж больно привлекательной была перспектива превратить немецкое княжество в крупную державу: добавить к Саксонии, в ту пору самой экономически и культурно развитой стране Центральной Европы, польско-литовское союзное государство площадью в миллион квадратных километров. Незамедлительно остро встал вопрос обеспечения избрания должными финансами.

Но успех дела для саксонского курфюрста зависел отнюдь не только от мешков с золотом. Претендент на трон должен был исповедовать католическую веру, Август же, как и все обитатели саксонского княжества, был лютеранином. Однако перемена религии его не смущала, и 2 июня 1697 года курфюрст тайно принял католичество (келейность была предпочтительна на случай полного фиаско, дабы уберечь себя от гнева саксонских подданных в случае провала на выборах). Он был не единственным отступником от веры отцов: за столетие, с 1650 по 1750 год, в католичество перешел 31 суверенный правитель в Европе.

Для воплощения в жизнь этого сложного и рискованного

предприятия Август отправил в Польшу посланником с самыми широкими полномочиями свое доверенное лицо, Якоба-Генриха фон Флемминга (1667–1728). Тот был урожденным подданным Пруссии и даже лет пять тянул лямку в прусской армии, но затем перешел на саксонскую службу, тогда это было делом обычным. Получивший в молодости хорошее университетское образование Флемминг сделал при Августе блестящую карьеру, проявляя исключительные преданность и ловкость. Он больше, нежели кто-то другой, подходил для данной щекотливой миссии, обладая обширными связями среди польской знати: Якоб-Генрих был женат на полячке, графине Франциске Сапега, а его двоюродная сестра Маргарет-Элизабет фон Флемминг, была замужем за великим коронным казначеем Пржебендовским, прожженным карьеристом и интриганом. Тот, будучи сановником, искусственным во всех тонкостях местной политики, дал мудрый и единственно верный совет: не жалеть презренного металла.

Кандидатура Собеского-сына отпала чрезвычайно быстро, ибо поляки не пожелали видеть в своей стране воцарения наследственной монархии. Тем временем Август метался в поисках требуемых средств: он заложил у венских иезуитов драгоценности саксонской короны, уступил за 900 000 талеров свои наследственные права на герцогство Лауэнбург, расположенное в отдалении за границами Саксонии, ганноверской герцогской династии и даже продал, невзирая на протесты подданных, четыре небольших уезда своего княже-

ства за 1 235 000 талеров и за 240 000 – городок Кведлинбург курфюрсту Бранденбурга Фридриху III. Более крупные города Саксонии были принуждены к выделению займов. Деньги утекали как вода в песок, и Август столкнулся с необходимостью обратиться за займом к еврею Беренду Леману, одному из самых крупных банкиров той эпохи, ссудившему ему 10 миллионов талеров. Всего избрание на польский трон обошлось Августу в 39 миллионов талеров. Это была совершенно фантастическая сумма; чтобы подчеркнуть ее грандиозность, обычно приводят для сравнения простой пример: рядовой саксонский ремесленник, обремененный семьей, зарабатывал в год 25 талеров.

Пока принц де Конти прохладился в Париже, возложив ведение избирательной кампании на посредников, фон Флемминг трудился не покладая рук, спаивая и подкупая выборщиков. Выборы 26 июня 1797 года не дали окончательного результата, оба кандидата сочли себя победителями. Тогда 6 июля Август, прихватив свои мешки с золотом, вошел в Польшу во главе вооруженной дружины из 8 000 человек и принялся раздавать вознаграждения своим сторонникам. Видимо, солидную сумму получили и стражники королевской сокровищницы, совершенно безучастно наблюдавшие за тем, как доверенные люди Августа умыкнули корону и скипетр. Вообще-то на подобные действия требовалось разрешение польского сейма. В результате 15 сентября Август был венчан на царство исторической короной династии

Ягеллонов в древнем соборе Кракова. Для этой церемонии он облачился в наряд собственного изобретения, в котором странным образом сочетались римские, германо-рыцарские и польские мотивы. Грудь была закрыта золотой кирасой весом около двадцати килограмм, а украшавшие одежду бриллианты оценивались более чем в миллион талеров. Облачение оказалось столь неудобным, что во время церемонии, когда епископ приступил к чтению символа веры, Августу сделалось дурно, и потребовалось не менее четверти часа, чтобы привести его в чувство. Патриархально настроенных поляков весьма удивило отсутствие супруги короля, но их негромкий ропот потонул в оглушительном шуме коронационных торжеств.

После коронации король закатил для новых подданных самым натуральным образом пир на весь мир. Было зажарено 12 громадных быков, десятков оленей, две дюжины телят и несчетное число баранов, 240 каплунов, 700 кур, сотня фазанов, 120 уток, 60 зайцев, а счет жаворонкам шел на тысячи. Жажду заглушали шампанским из 400 бутылок, а вина ушло где-то от 6000 до 7000 литров.

В Саксонии Август выпустил указ, что остается отцом своих подданных, всегда отзывчивым к их нуждам и чаяниям, на время же своего отсутствия назначил в княжестве наместника, князя Антона-Эгона фон Фюрстенберга. Этот вельможа происходил из старинного швабского знатного рода, не имел в Саксонии никакой родни, а потому весьма

успешно занимался наведением порядка в обескровленных финансах Саксонии и борьбой с коррупцией.

Королевство без королевы

Набожную и стойкую в лютеранской вере Кристиану-Эберхардину не соблазнил титул королевы. Она наотрез отказалась следовать за супругом в Варшаву и продолжала вести весьма уединенный образ жизни в своем замке Преч. Их общий сын был отдан на воспитание вдовствующей курфюрстине Анне-Софии, так что в Польшу в золоченой карете отправилась графиня Эстерле. Польское общество было весьма шокировано такой спутницей помазанника Божия и занялось болезненно насущным для знати вопросом подыскания для Августа любовницы из местных красавиц. Вопрос принимал политическую окраску – должен же был новый король отдать должное красоте и шарму полячек.

Пока местная знать усиленно перетряхивала все возможные кандидатуры, графиня Эстерле быстро освоилась в Варшаве. Она развелась со своим мужем, графом Хизерле фон Шодау, и в 1798 году для сохранения приличий была выдана замуж за придворного фон Опперсдорфа. В конце того же года она родила сына, который, впрочем, вскоре скончался. Чей это был ребенок – ведомо одному Господу Богу, ибо с момента своего приезда резвая дама без стеснения принялась испытывать свои чары на местных дворянах. Она пыталась соблазнить даже преданного душой и телом Августу фон Флемминга, но, похоже, ничего из этого не вышло. Од-

нако ей удалось вскружить голову польскому магнату, князю Михалу Вишневецкому, о чем тотчас же доложили Августу. Тот вскипел и повелел неверной возлюбленной в двадцать четыре часа убраться из Варшавы. Такой краткий срок не помешал графине быстро собрать весьма объемистый багаж, прихватив заодно еще кое-что из королевской сокровищницы. Когда Августу доложили об этом, он во гневе послал ей вдогонку двух гонцов-офицеров с приказом отобрать драгоценности. Остановленная на пути графиня будто бы признала свою вину и отдала посланникам запечатанную шкатулку с драгоценностями. Когда Август открыл ее, внутри оказались малоценные безделушки. Впрочем, эта история так рассмешила короля, что он больше не стал предъявлять никаких требований к графине. Она же впоследствии в открытую сожительствовала с сыном Яна Собеского, Александром-Бенедиктом, и выстроила себе в Бреслау роскошный дворец.

Тем временем Август усиленно занимался государственными делами, а по вечерам полностью отдавался развлечениям. По его приказу из Дрездена выписали придворную капеллу музыкантов и труппу французских комедиантов, ежедневно устраивались спектакли, балы, регулярно двор выезжал на охоту, прогулки по Висле. Поляки дивились жизнерадостности и выносливости короля. Сколь бы поздно Август ни лег в постель после утомительных развлечений, сопровождавшихся порой весьма сильными возлияниями, на другой день он вставал с зарей, чтобы с усердием заняться

делами королевства, совещаться с министрами и проводить аудиенции. Этот распорядок дня он сохранил до самой смерти.

Вскоре Август обратил свое благосклонное внимание на одну из самых знатных и красивых дам королевства. Урсула-Катарина Любомирская (1680–1743) уже по своему рождению принадлежала к придворному кругу. Ее отец, Иоганн-Генрих фон Альтенбокум, был стольником литовского происхождения, мать, Текла Браницкая, – отпрыском древнего польского рода. В пятнадцать лет Урсулу-Катарину выдали замуж за немолодого, малопривлекательного тучного магната Ежи-Доминика Любомирского, общество которого она переносила с трудом. Однако проживание в роскошном дворце, расположенном бок о бок с королевскими палатами, и возможность блистать при дворе до поры до времени скрашивали наличие неудобного супруга. Современники весьма благосклонно описывали внешность Урсулы-Катарины: «она была среднего роста, обладала прекрасной фигурой, большими глазами, прелестными чертами лица и очаровательной ножкой. Ее беседа была очень приятна, и при желании она бывала необыкновенно любезна». Во всяком случае, эта блондинка сразу произвела сильное впечатление на Августа, который не ведал никаких преград для исполнения своих желаний.

Король принялся осаждать княгиню пылкими письмами и пускался во все тяжкие, чтобы овладеть воображением и

сердцем Урсулы-Катарины. Молодая женщина обожала развлечения, празднества и танцы. Из Дрездена выписали в Варшаву придворную капеллу и французскую труппу, дня не проходило без какого-нибудь увеселения. Устраивались балы, спектакли, воинские состязания, выезды на охоту, прогулки по Висле и маскарады. В конце концов король добился своего – Любомирская уступила его домогательствам. Сначала ей удавалось скрывать измену мужу – в Польше считалось хорошим тоном во время поста каждую неделю проводить несколько дней на богомолье в монастыре. Таким образом, Урсула-Катарина проводила весь день в молитвах, а вечером ее забирал присланный за ней экипаж и отвозил на свидание к королю.

Естественно, со временем эти уловки были раскрыты, и вознегодовал муж княгини, позволивший себе высказать в адрес Августа несколько в высшей степени оскорбительных фраз. Ему немедленно было запрещено появляться при дворе, после чего Любомирский решил удалиться в свои поместья и забрать с собой жену. Та категорически отказалась последовать за супругом, пригрозившим развестись с ней. Урсула только этого и хотела. Быстрейшему разводу поспособствовал Август, подключивший своих дипломатов при папском дворе; он также добился от императора Священной Римской империи, чтобы настрадавшейся от козней супруга женщине даровали титул княгини Тешен. Так Урсула-Катарина стала официальной любовницей Августа, свет-

ские обязанности которой она выполняла с большим шиком и знанием дела. Во всяком случае, польский двор остался чрезвычайно доволен. Когда король решил навестить родную Саксонию, то пригласил Урсулу-Катарину сопровождать его. Он показал ей самые примечательные города своего княжества, и везде эту странную пару встречали большими торжествами. Очередное оскорбление было нанесено лишь курфюрстине Кристиане-Эберхардине. Она прибыла на Лейпцигскую ярмарку, куда на встречу Нового года съехались несколько коронованных особ, и Август без малейшего смущения представил ей свою новую любовницу. Княгиня Тешен держалась настолько непринужденно и уверенно, что законная супруга почувствовала себя лишней и не смогла сдержать слез. Это возмутило прусскую королеву Софию-Доротею, которая нашла способ отомстить за эту бестактность. В Лейпциг съехались также три бывшие любовницы Августа: графиня Аврора фон Кёнигсмарк, жена фельдмаршала фон Хаугвица³ и графиня фон Эстерле. Прусская королева уговорила трех дам надеть одинаковые костюмы летучей мыши и разыграть бывшего возлюбленного на маскараде, что им блестяще удалось.

Но Август не был бы Августом, если бы удовлетворился пресной, почти супружеской личной жизнью с постоянной

³ В девичестве она звалась Софи фон Кессель и была фрейлиной матери Августа, вдовствующей курфюрстины Анны-Софии. Она стала любовницей Августа вскоре после его женитьбы на Кристиане-Эберхардине, причем была чрезвычайно капризна и требовательна.

любовницей. Во время того же посещения лейпцигской ярмарки он настолько усиленно ухаживал за принцессой Генриэттой Ангальт-Дессау, собеседницей приятной внешности и большого остроумия и находчивости, что она была вынуждена напрямик заявить ему:

– Ваше величество, вы не можете сделать меня королевой, но прошу принять во внимание, что я слишком горжусь своим происхождением, чтобы сделаться вашей фавориткой.

Август не привык отступать и после отъезда княжеской семьи пустился вслед за ней в Ораниенбаум, где находился замок-резиденция династии Ангальт-Дессау. Княгине Тешен он, не моргнув глазом, солгал, что едет на важную деловую встречу с королем прусским. Однако принцесса оставалась равнодушна к его ухаживаниям и устраивала так, что Август никогда не находил ее в одиночестве. В результате король был вынужден возвратиться в Дрезден не солоно хлебавши в объятия прекрасной Урсулы-Катарины, клятвенно уверяя полячку, что никого и никогда не полюбит так, как боготворит ее. Все это были не более как пустые слова, ибо ему непременно требовалось разнообразие, которое он время от времени позволял себе. Так, в 1701 году на одном из балов у коронного казначея Пржебендовского взгляд его упал на прекрасную компаньонку супруги хозяина, турчанку Фатиму Кариман.

Любовь с восточным привкусом

Фатима (1780–1833) являла собой занимательный продукт усилий великосветских дам по спасению душ невинных детей-иноверцев. Ни о ее происхождении, ни о точном месте и дате рождения не известно ничего. Она была ребенком взята в плен при завоевании Буды и подарена братом-офицером графине Марии-Авроре фон Кёнигсмарк. Семейство Кёнигсмарк с жаром взялось за спасение души маленькой язычницы. Первым делом ее окрестили, а поскольку восприемниками от купели стали шведский кронпринц Карл (Кёнигсмарки тогда обретались при шведском дворе) и прекрасная графиня Мария-Аврора, то девочка получила христианское имя Мария-Аврора. Далее ее обучили всему, что надлежит знать и уметь благовоспитанной барышне из хорошей семьи, в частности, бойкому щебетанию на французском языке, и она стала компаньонкой своей крестной матери.

Со временем Фатима выросла в замечательную красавицу с правильными чертами лица, синими глазами, алым ротиком и прекрасной гибкой фигурой. Девушка была неглупа, обладала прекрасными манерами и умела вести светскую беседу, выражаясь метко и остроумно. По-видимому, она очень многое переняла от своей покровительницы, графини фон Кёнигсмарк. Фатима хорошо усвоила правила поведения в среде сильных мира сего, при дворе чувствовала себя как

рыба в воде, никогда ни перед кем не заискивала и держалась с достоинством и благородством. После того, как графиня фон Кёнигсмарк тайно родила сына Морица от Августа и деятельно занялась устройством собственной судьбы, бывшая компаньонка осталась проживать в семье сестры Авроры, Амалии, жены генерала фон Лёвенхаупта. Генерал находился на службе при дворе курфюрста в Дрездене; после избрания Августа королем Польши он был вынужден последовать вместе с семьей за ним в Варшаву. Фатима произвела некоторую сенсацию в тамошнем обществе, и ее забрала в свой дом одна из самых влиятельных дам варшавского двора, Маргарет-Элизабет Пржебендовская.

Именно на званом вечере у Пржебендовской, примерно весной 1701 года, Фатима попала на глаза Августу. Какие чувства испытывала Фатима к королю – доселе неизвестно, но их связь длилась с перерывами довольно длительное время, причем король не оставлял ее своей заботой и признал своими двух ее детей, что он сделал лишь для немногих своих отпрысков.

В 1701 году Фатима оказалась беременна, и король выдал ее замуж за своего верного камердинера Иоханна-Георга фон Шпигеля, происходившего из обедневшей саксонской дворянской семьи. Король назначил его верховным управляющим королевских владений в Польше, а также присвоил звание подполковника гвардейского полка. Взамен новобрачный подписал обязательство признавать своими всех

детей, рожденных Фатимой. Их народилось двое: в июне 1702 года на свет появился Фридрих-Август (названный так в честь отца), а в 1706 году – дочь, Мария-Аврора. Обоим высочайшим соизволением в 1722 году был пожалован титул графа и графини Рутовских. В скобках следует упомянуть, что ко времени рождения Марии-Авроры официальную любовницу Любомирскую уже сменила графиня фон Козель, однако, как мы видим, параллельное влечение к Фатиме у Августа долго не угасало.

По причине служебного положения своего мужа Фатима проживала то в Варшаве, то в Лемберге (ныне Львов), поблизости от королевских владений. В отличие от Фатимы, которая умела найти общий язык со всеми, ее супруг нажил при дворе немало недоброжелателей, впал в опалу и в 1714 году по причинам, оставшимся неизвестными, был арестован и приговорен к заключению в крепости Зонненштайн в Пирне. Однако в 1715 году он скончался, и Фатима переехала из Лемберга в Дрезден, где приобрела себе красивый особняк. В 1727 году она перешла из протестантской в католическую веру и все больше времени посвящала религии. После смерти Августа Сильного его наследник Фридрих-Август согласно завещанию отца установил ей ежегодную пенсию в размере 8 тысяч талеров. О последних днях Фатимы ничего не известно.

Ее дети заботами Августа получили хорошее образование. Сын обучался военному делу сначала в Париже, затем в

Турине, столице королевства савойского, сделал блестящую карьеру в Саксонии, дослужившись до генерал-фельдмаршала и получив кучу всяческих высоких должностей. Потомков после себя он не оставил. Его сестра дважды выходила замуж, сначала за польского графа Михала Белинского, затем, после развода с ним в 1735 году, за савойского дворянина С. М. Бельгарда. С ним у нее родилось двое детей, сын Мориц и дочь Фридерика-Августа. Мария-Аврора, овдовев, поселилась в Париже и была чрезвычайно дружна со своим сводным братом по отцу, знаменитым французским маршалом Морицем Саксонским, который завещал ее сыну все свое немалое имущество.

Закат «польской» любви

Урсула-Катарина Любомирская, невзирая на молодость, была наделена достаточной природной хитростью и сообразительностью, позволившими ей быстро раскусить страсть Августа к переменам и прийти к печальному выводу, что долго ей подле него не продержаться. В попытке привязать к себе коронованного возлюбленного она в августе 1704 года родила ребенка. Это был сын Иоганн-Георг, впоследствии известный как шевалье де Сакс (1704–1774), признанный королем, личность одаренная и образованная, но с сильной склонностью к лени и беспорядочному образу жизни. Он пережил всех детей Августа и умер в звании генерал-фельдмаршала и губернатора Дрездена.

Постепенно связь с Любомирской начала тяготить Августа, она тихо и постепенно как бы сошла на нет. Прямого резкого разрыва не случилось, княгиня Тешен приложила все старания к тому, чтобы сохранить с королем хорошие отношения, как это блестяще удалось Авроре фон Кёнигсмарк. Поговаривали, что в охлаждении чувств короля сыграл свою роль и хитрый Флемминг, с которым Урсула-Катарина не поладила. Он нашептал Августу о якобы непомерных политических амбициях Любомирской, и тот поспешил отделаться от женщины с подобными устремлениями. В качестве отступного Август подарил княгине огромное поместье Хой-

ерсверда и другие имена в области Лаузиц. В Польше репутация среди патриархально настроенной части дворянства у нее была подпорчена, и княгиня Тешен поселилась в Дрездене. Она держала открытый дом, вокруг нее быстро сложился довольно большой круг друзей. К этому изысканному обществу примкнул и Фридрих-Людвиг, принц Вюртемберг-Виннентальский (1690–1734).

Жизненный путь этого знатного аристократа весьма типичен для выходца из высородной немецкой знати, принадлежавшего к побочной ветви основной династии. Он был пятым сыном принца Фридриха-Карла Вюртемберг-Виннентальского, бедного как церковная мышь и состоявшего всего-навсего опекуном при малолетнем племяннике, наследнике герцогства Вюртембергского. Завещать своим четырем сыновьям ему было абсолютно нечего, им оставалась единственная участь – продать свою шпагу, что они и сделали, разбредясь по всей Европе. Фридрих-Людвиг подался под крылышко к своей тетке Кристине-Эберхардине, супруге Августа Сильного. Та дала ему образование, а далее принц зарабатывал себе репутацию сам, приняв участие в нескольких военных походах во Фландрии и Померании. Обращению за финансовой помощью к двоюродному брату, герцогу Вюртембергскому, не принесло никакого изменения в судьбу Фридриха-Людвига. Все-таки его военные заслуги были оценены должным образом, польский король дал ему под командование полк, но денежные дела отважного воина по-

прежнему пребывали в плачевном состоянии.

Видимо, для поправления оных принц и начал ухаживать за княгиней Тешен, которая была на 10 лет старше его. В 1722 году они тайно вступили в морганатический брак. Благодаря состоянию княгини, которое она передала ему в неограниченное пользование, принц смог значительно улучшить свой образ жизни, сделав его достойным своего высокого происхождения. Впоследствии он перешел на службу к императору Священной Римской империи, на которой уже отличились два его брата, и в 1734 году пал в битве при Гуасталле. Княгиня после его смерти имела массу неприятностей с родней покойного мужа, пытавшейся оспорить у нее право пользоваться титулом и гербом Фридриха-Людвига, ибо, с их точки зрения, этот брак считался недостойным высокого статуса принца.

Подвиги Августа на военном поприще

Во время чтения о похождениях короля Августа может сложиться впечатление, что все это происходило на фоне полного благоденствия подданных двух его государств, о которых он денно и нощно проявлял отеческую заботу. Крестьяне снимали обильные урожаи, ремесленники умножали славу о мастерстве немецких работяг, купцы везли все больше отличных товаров на Лейпцигскую ярмарку, а деньги в казну текли рекой. Естественно, на фоне подобного благополучия королю только и оставалось, что предаваться безудержным развлечениям. Однако все это было совершенно не так, и любовные похождения Августа разворачивались на фоне длительной, кровопролитной и жестокой Большой северной войны, длившейся почти 21 год.

Дело в том, что, став королем Польши, Август неизбежно был вынужден хотя бы выказать попытки выполнить часть требований, предъявленных ему польской шляхтой. Королевство уже много лет пребывало в состоянии войны с турецким султаном, и Август решил одним мощным ударом положить ей конец. Летом 1698 года он собрал армию из поляков, литовцев и саксонцев и выступил в поход. Однако вместо того, чтобы всем скопом доблестно ринуться в бой против султана-нехристя, поляки и саксонцы переругались между собой, и грандиозное предприятие закончилось полней-

шим фиаско. Поход пришлось прервать, и Август обратил все свои усилия на то, чтобы как можно прочнее объединить два своих весьма разнородных государства и превратить выборный трон в наследственный.

Новые подданные Августа не замедлили проявить свой неумный вольнолюбивый характер. Они и слышать не хотели о преобразовании выборного трона в наследственный. Польские чиновники, армия и государственная казна подчинялись решениям сейма, политика которого определялась семьями влиятельных магнатов и зависящей от них шляхтой. Август предпринял было шаги для создания себе надежной опоры из саксонцев, но поляки воспротивились и уже в 1699 году принудили его вывести из Польши все саксонское воинство, за исключением 1200 гвардейцев. Август почувствовал, как общественное мнение в стране дает резкий крен не в его пользу и попытался решительным образом спасти положение. Единственным выходом была победоносная война за пределами королевства, которая окружила бы его ореолом не знающего поражений полководца. Благоприятный, с точки зрения короля, случай не замедлил представиться. При своем избрании Август пообещал полякам вернуть принадлежавшие им ранее земли. В их число входила прибалтийская провинция Лифляндия, завоеванная шведским королем Густавом-Адольфом.

В 1697 году на трон Швеции взошел 15-летний король Карл XII (1682–1718), которого поначалу в Европе сочли

неразумным заносчивым дитятей. Между прочим, Августу Сильному он приходился двоюродным братом (его мать, датская принцесса, была родной сестрой вдовствующей курфюрстины Анны-Софии), но это не играло никакой роли, ибо почти все европейские суверены всегда состояли в более или менее близком родстве. Привычка юного короля либо упражняться в стрельбе из пистолета в парадных залах дворца, либо, разъезжая по улицам столицы, прицельно палить по окнам домов своих подданных, вызывала лишь усмешку на губах более умудренных жизненным опытом государей.

В 1698 году молодой русский царь Петр I во время путешествия по Европе нанес визит в Дрезден и затем провел три дня вместе с Августом в местечке Рава под Лембергом. Хотя большая часть времени была посвящена беспробудному пьянству, Август оценил потенциал молодого государя и его необузданное стремление к расширению своих владений. Петр рассчитывал с помощью Польши вырвать у ненавистной Швеции выход к Балтийскому морю, полякам же предоставлялась блестящая возможность восстановить свою власть над Лифляндией. Оба государя произвели друг на друга превосходное впечатление, для закрепления внезапно вспыхнувшей дружбы Петр преподнес королю огромный лазоревый яхонт – сапфир весом в 648 каратов. Август же отдал ему тростью, усыпанной бриллиантами.

Карл, у которого, по всеобщему мнению, еще молоко на губах не обсохло, показался творцам этой затеи легкой до-

бычей. За дело шустро взялись сноровистые дипломаты, и уже в 1699 году был заключен союз между Саксонией-Польшей, Данией и Россией против Швеции. Отказался принять в нем участие лишь прусский король Фридрих I. Этот опытный вояка как раз трезво оценил выдающиеся способности Карла Шведского и предпочел занять место стороннего наблюдателя.

Так началась жесточайшая Большая северная война, продолвшаяся 20 лет и принесящая в затронутые ею земли невиданные разрушения и беды. Неукротимый Карл XII спутал все карты союзников, первым делом выбив из их рядов Данию. В 1700 году шведско-голландско-английская эскадра для острастки обстреляла Копенгаген, для пущего же устрашения до смерти перепуганных жителей столицы поблизости от нее высадился шведский десант. Струхнувший король дрожащей рукой подписал Травендальский мирный договор, помимо всего прочего обязывавший страну не вступать в союзы против Швеции, и безмолвно отошел в сторону, дабы не умножать своих потерь. Вторжение саксонской армии в Лифляндию вызвало возмущение в Польше, ибо сейм не дал согласия на вступление в войну. После поражения русской армии под Нарвой Август осознал, что настанет очередь его войска, введенного в Лифляндию, и попытался заключить с Карлом мирное соглашение. С этой целью он послал к нему свою отставную любовницу, графиню Аврору фон Кёнигсмарк (которая выросла при шведском дворе), наделив ее

всеми необходимыми полномочиями. Карл не только не пожелал встречаться с прекрасной посредницей, но еще и известил поляков, что их единственный шанс избежать вторжения его армии в Польшу – переизбрание Августа. Гордая шляхта на это не согласилась, в ответ шведские войска учинили в Польше великие бедствия и в мае 1702 года вошли в Варшаву.

Карл потребовал от королевства огромных контрибуций и низложения Августа, выдвинув на польский трон кандидатуру своего ставленника. Это был очень молодой, хорошо образованный польский аристократ Станислав Лещинский. 14 февраля 1704 года кардинал-примас Михал Радзейявский (дядя любовницы Августа, княгини Тешен) против воли папы римского провозгласил низложение Августа II; несколько позже королем был избран Лещинский. Из Рима пришло устрашающее письмо от папы, грозившее польскому духовенству отлучением от должностей в случае участия в интронизации нового короля. Кардинал-примас поспешно уехал в Данциг и принялся выжидать, пока епископ Лембергский не согласился провести обряд коронации в Варшаве, на котором инкогнито присутствовал Карл XII. Для свежеиспеченного помазанника Божия пришлось спешно изготовить новую корону, ибо Август предусмотрительно прихватил с собой древний венец династии Ягеллонов. Он не опустил руки и, при хорошей поддержке со стороны России, принялся вытеснять шведов из захваченных ими польских городов.

Внешне, неудачи никак не отразились на нем, он всегда являлся перед своими придворными и военачальниками полным сил и жизнерадостности, настроенным только на победу. Только самые ближние к нему особы знали, что Август изливал свою злобу и горечь от неудач в одиночестве, разбивая на куски и ломая в щепку железные и деревянные предметы в жилищах, где ему приходилось останавливаться на постой во время походов. Уезжая. Он оставлял за собой порванные цепи, разбитую мебель, свернутую в круг кочергу. Когда настроение у него было особенно паршивым, он мог отыграться и на слугах, жестоко избивая их. Положение тем временем сложилось парадоксальное: в Польше сосуществовали два короля, причем каждый из них считал себя законным и не желал уступать власть другому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.